

Олег КОРНИЕНКО

ПОСЛЕДНЕЕ ФОТО

Придя с работы, он включил свет, разделся и подошел к письменному столу. Взгляд его упал на фотографию. Она лежала

здесь давно, и он не раз и не два перекладывал ее с места на

место, и даже собирался спрятать в альбом, но до сих пор так

и не сделал этого.

Он взял снимок и стал разглядывать так, точно видел его

впервые. На нем были: он и Люба-жена. То была их последняя фотография. Они снялись на фоне карусели. На Любе: черная шуба,

платок-"паутинка". Глаза от яркого солнца прищурены, а в позе - застенчивость и нетерпение -фотографироваться она почему-то

не любила...

Ему и сейчас нравилось чуть капризное выражение ее лица - особенно глаза, большие и грустные, и он, кажется, даже

чувствовал запах ее губ, волос. Сейчас...А тогда? Тогда не было этого - привык, наверно е. Ревность была. Глупая, ненужная,

наверное, но была. Как и было и непонятное унижение, гневные глаза ее матери...

Он смотрел на фотографию и не мог понять, что с ним. Почему и для чего он хранит эту фотографию той, с которой...Зачем? Зачем они здесь на фоне карусели? Может оттого, что карусель вертится, как эта чертовски прекрасная и непонятная жизнь...

ДУШМАН

- Так я пошел?- сказал я, поднимаясь.

- Да, давай,-молодой симпатичный прапорщик, одетый в "мабуту", неохотно оторвался от своих бумаг и несильно, точно делая одолжение, пожал мою протянутую руку. Я толкнул дверь с табличкой "Зам. нач. комендатуры", успев при этом улыбнуться и подбодрить рядового Бакатина:

- Не задерживайся, мы будем ждать.

Банальный случай: "старики" ночью, после отбоя, избили молодого солдата-кочегара за то, что тот ночевал не в казарме, как они, а прямо на рабочем месте. Дело дошло до военного трибунала и теперь инициатора драки-студента пединститута рядового Бакатина вместо "дембеля" ждал в Союзе дисбат.

Вся территория двора комендатуры обнесенная высоким саманным дувалом, точно светилась от лучей жаркого полуденного солнца. Оно отражалось от высоких панам и смуглых спин трех солдат, которые заканчивали крышу над душем, играло медью огромных гаубичных гильз, замурованных в бетон, как столбики по бокам тротуара.

Надев солнцезащитные очки, я направился было к высокой металлической калитке с окошком на уровне человеческих глаз, как вдруг услышал за спиной:

- Хадисов, давай сюда душмана!

Душмана? Я вроде бы не ослышался. Но откуда он здесь взялся?

Случайное попадание в военный городок аборигена исключалось. Приказом начальника штаба на каждом КПП была заведена тетрадь учета посещения военного городка афганцами. В основном это были советники в непривычных грубошерстных, как шинель, комбинезонах с пистолетом незнакомой марки на боку.

Местным жителям, проживающим по соседству на пересылке, ходить мимо городка пешком запрещалось. Только на автомашине. И каждый вечер, набитый до отказа "ПАЗик" с высаженными на поручнях афганцами, покачиваясь на ухабах, проплывал мимо колючей проволоки забора в сторону города-центра провинции.

Самые нетерпеливые, правда, умудрялись проскочить мимо КПП пораньше, согнувшись под тяжестью увесистых чемоданов из оцинкованного железа.

Значит, настоящий душман? Я их еще не видел.

Мою догадку подтвердил часовой у калитки соединяющей две половины двора:

- В плен тут один сдался,- сказал он, в который раз поправляя натерший плечо ремень автомата, и добавил,- на допрос, видно...

И только тут я заметил топтавшегося на месте невысокого майора в полевой форме для Афганистана, с кожаной папкой под мышкой.

Я тут же вспомнил вчерашний день, то, как непривычно низко пронеслись над нашими головами, делая повторный заход для атаки, боевые вертолеты.

Подумал,
что наверное, у
той банды которая
спустилась позавчера с заснеженных негостеприимных гор в теплую долину "зеленки",
было два выхода:
погибнуть или сдаться в плен.

Время поджимало -меня ждала работа, и я хотел уж было уйти, как вдруг в проеме соседней со входом в комендатуру двери показался высокий сутуловатый парень с характерной

для
этих мест одежде:

В

длинной

почти до колен просторной рубаше, выглядывающей из-под незастегнутого,
видавшего виды пиджака. Широкие брюки

хлопали

по

щиколоткам

его

босых

загорелых ног. Темные волосы сливались с

цветом

обыкновенного русского треуха, восседавшего на макушке.

Чья-то рука из темноты подала пленному тощий узелок, и душман медленно, точно боясь сделать неверный шаг,

вышел

на солнце и зашлепал голыми ступнями по бетонной дорожке к калитке в противоположной стороне двора. Майор с папкой последовал за ним.

Хотелось знать продолжение этой сцены и я быстро покинул заведение, обошел гауптвахту справа.

Зеленый "уазик" вынырнул из-за угла и круто развернувшись, запылил по территории к выезду из городка.

"На допрос",- вспомнил я слова часового - узбека. И мне почему-то стало жаль и этого молодого парня- скорее всего крестьянина, однажды давшего себя обмануть и теперь засплачивающегося за это, и рядового Бакатина, вспомнив как он наигранно храбрился, представляя свою дальнейшую жизнь:"Ничего, в тюрьме тоже живут...".

О С К О Л О К

Ночью нас обстреляли "духи".

Один снаряд, как оказалось потом, упал в полисаднике возле штаба части, изрешетив осколками от крыши до завалинки дощатую стену и солнцезащитную решетку на окне "секретки". Воронка от снаряда походила на яму, в которой еще недавно росло дерево. Дремавшая рядом ель даже не пострадала.

Все это я мог увидеть еще вчера ночью сразу после ракетного обстрела, когда мы с прапорщиком Витей Д., авиамехаником, шарили лучом фонарика под окном нашего "модуля" в поисках осколка, сделавшего порядочное отверстие в нижнем краю окна,

напротив которого Витя спал, и усыпавшего битым стеклом его подушку.

Второй снаряд со свистом врезался в каменистую землю возле локатора, вызвав многочисленные очажки пожаров, следы от которых утром смолянистыми плешами чернели на фоне желтой, выгоревшей на солнце травы.

Еще один снаряд, перелетев через взлетную полосу нашего аэродрома, шлепнулся на стоянке между вертолетами и продырявил в нескольких местах подвесной бак одного из них, добавив работы и без того занятым по горло техникам.

Все это мы узнали утром. А сначала была неожиданно начавшаяся канонада, от которой стены нашего "модуля" сотрясались так точно по ним лупили кувалдой.

К канонаде за время службы здесь мы уже успели привыкнуть. Насторожило другое - время обстрела и свист, который мы сначала приняли за характерный звук сигнальной ракеты.

Ясность во всем навел чей-то крик в коридоре:

- Нас обстреливают!

Минуту спустя мы уже сидели, пригнувшись, в своих окопах. Сухие, сотрясающие воздух и землю залпы гаубиц звучали в тот предпраздничный вечер еще долго. Но я только назавтра понял, как тщетны были попытки нашей артиллерии уничтожить невидимого противника. Сделав свое дело, он уже ли исчез из опасной зоны, или сидел, где-то поблизости, выжидая удачного

момента, чтобы покинуть территорию провинции.

Страх со временем улегся, надо было спать: никто предстоящей завтра работы не отменял.

Возбужденные обстрелом, провалявшись в постелях час - другой и наговорившись вдоволь о происшедшем, мы заснули не скоро, а потому приход утра с еще нежарким солнцем, что мешало нам выспаться, встретили без восторга.

Толпу любопытных у штаба части я заметил сразу, но времени присоединиться к ней уже не было - я и так опаздывал на построение. И все же мне повезло. На стоянке я уви дел вещественное доказательство ночного обстрела- остатки реактивных снарядов, а потом и осколки, собранные на плацу и у стен штаба,- кусочки

металла неправильной формы с рваными краями и следами резца снаружи.

Они, эти осколки, были сейчас для нас, не видевших войны, безобидны и привлекательны, как талисманы. А ве
дь
еще несколько часов назад одно только слово "осколок", мелькнувшее в голове, вызывало у нас, сидевших в укрытии, оцепенение и животный ужас...